

УДК 167/168

DOI: 10.15372/PS20210303

О.И. Целищева**СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ:
НОВАЯ ЛОГИКА ДИСКУРСА**

Статья посвящена критике стиля дискурса, принятого в социальной эпистемологии как промежуточной дисциплине в структуре гуманитарных наук. Показано, что в ней ослаблены требования к логической строгости и связности текста. В качестве примера рассматривается часть текста книги одного из основателей и главных представителей социальной эпистемологии С. Фуллера «Кун против Поппера», в которой в единый нарратив произвольно помещены фигуры Т. Куна, М. Хайдеггера и Р. Рорти. Продемонстрированы на конкретных примерах противоречивость и характер *ad hoc* вводимых Фуллером новых критериев аргументации, легитимирующих выводы социальной эпистемологии.

Ключевые слова: Фуллер; Рорти; Хайдеггер; Кун; социальная эпистемология; логика; дискурс; аргументация

O.I. Tselishcheva**SOCIAL EPISTEMOLOGY: A NEW LOGIC OF DISCOURSE**

The article deals with the criticism of the style of discourse adopted in social epistemology as an intermediate discipline in the structure of the humanities. It is shown that it weakens the requirements for logical rigor and coherence of the text. As an example, the author considers a part of the text of *“Kuhn vs. Popper”* – the book by S. Fuller, one of the founders and main representatives of social epistemology, in which the figures of T. Kuhn, M. Heidegger and R. Rorty are arbitrarily placed in a single narrative. The inconsistency and *ad hoc* nature of the new argumentation criteria introduced by Fuller legitimizing the conclusions of social epistemology are demonstrated with specific examples.

Keywords: Fuller; Rorty; Heidegger; Kuhn; social epistemology; logic; discourse; argumentation

Социальная эпистемология является относительно новой дисциплиной, балансирующей, как и следует из ее названия, между эпистемологией и социологией. Некоторую расплывчатость такой характеристики можно умерить уточнением, что во многих случаях речь идет об эпистемологических проблемах, связанных с научным знанием и, соответст-

венно, с анализом науки как социального института. Здесь следует добавить, что оба этих аспекта тесно связаны с историей науки. При таком понимании новой дисциплины можно было бы предположить, что она в существенной степени связана с тем, что обычно называется «логикой науки», т.е. с комплексом представлений о возможных вариантах употребления приемов рационального мышления в применении к научному дискурсу. Собственно, нет жесткого перечня такого рода употреблений, но любой выход за пределы «логики рациональности» обращает на себя внимание, поскольку рассматривается как нерелевантное обобщение. Часто такая деятельность затруднена в силу интуитивного характера требований к рациональному дискурсу в гуманитарных науках, например в философии. Данная статья посвящена анализу некоторого расширения в эпистемологии науки стандартов «логики» и оценке их обоснованности.

Одним из активных пропагандистов социальной эпистемологии является Стив Фуллер, плодовитый автор множества работ, значительная часть которых имеет дело как раз с анализом научного дискурса. В частности, речь идет о концепции науки Томаса Куна, которая стала предметом фундаментального труда Фуллера с характерным названием «Томас Кун: философская история для нашего времени» [6]. Богатая историческими деталями становления науки, эта книга предлагает своеобразную анатомию мировоззрения Куна, от чисто политических и исторических деталей до собственно эпистемологических вопросов. Но богатство обсуждаемых имен и концепций несколько заслоняет суть самого подхода Фуллера: что, собственно, отличает социальную эпистемологию от добротной истории науки? Видимо, осознавая это обстоятельство, Фуллер прибег к возможности уточнить понимание своей позиции в более «облегченном» виде в небольшой монографии «Кун против Поппера», имевшей успех и переведенной на несколько языков, в том числе и на русский [4]. Именно в ней он довольно четко обрисовал область тех принципов, которые, по его мнению, характерны для социальной эпистемологии и не характерны для «логики науки». Это, например, принцип так называемой «генетической ошибки».

Перед тем как перейти к деталям новых принципов, следует упомянуть некоторые особенности материала книги «Кун против Поппера», которые выглядят весьма странно. Последние две главы выпадают из основного текста, будучи атакой на две фигуры – Ричарда Рорти и Томаса Куна. Обращение к последнему было бы вполне оправданным, если бы не нарочито «скандальное» название главы – «Является ли Томас Кун

американским Хайдеггером?». Понимание этой странности облегчается предыдущей главой – «Провал теста Поппера на интеллектуальную ответственность: Рорти о Хайдеггере». Как видно, связующей фигурой является Мартин Хайдеггер, обсуждение которого идет в контексте возможной связи его философского творчества и нацистского прошлого.

Все три фигуры увязаны Фуллером в следующей предполагаемой схеме, в отсутствие которой обе главы выглядят неуместными дополнениями к более или менее согласованному остальному содержанию книги. Рорти отстаивал взгляд, согласно которому политические убеждения мыслителя не влияют на его собственно философию, – взгляд, пропагандируемый Рорти в отношении Хайдеггера. Кун размыл философию науки до степени крайнего релятивизма. По мысли Фуллера, он руководствовался в своей концепции структуры научных революций политическими целями в условиях холодной войны. Следует заметить, что обе эти особенности творчества Рорти и Куна рассматриваются Фуллером крайне избирательно: речь идет о морально-политических аспектах. Возникает вопрос: какова, собственно, связь между этими аспектами творчества двух мыслителей, заставившая Фуллера поместить соответствующие две главы в работе по социальной эпистемологии? На самом деле мотивации у Фуллера довольно разнообразны: в их числе, помимо стандартного обвинения в моральной ущербности, есть, например, обвинения обоих философов в «необоснованной» (или даже «незаслуженной») популярности. Однако Фуллер уклончив в объяснении увязки самих по себе Рорти и Куна. Эта уклончивость вполне понятна: Фуллер склонен считать социальную эпистемологию самодостаточной и не хочет прибегать к объяснениям, которые выходят за ее рамки. Между тем, но уже в контексте собственно философии Кун и Рорти связаны тем, что оба являются в некотором смысле «чемпионами» релятивизма – Кун в отношении науки, Рорти в отношении философии.

Тогда на первый взгляд непонятная логика Фуллера видится следующим образом: Рорти перенес методологию Куна на философию, и Рорти считал, что нацистское прошлое Хайдеггера не влияет на его философию, а «значит», Куна можно уподобить Хайдеггеру. В качестве силлогизма это явно не проходит, но в качестве подспудной мотивации, такого рода ассоциации между именами и учениями – вполне. Для придания правдоподобности своему заключению Фуллер вводит несколько максим, которые нарушаются всеми тремя обсуждаемыми персонажами.

Прежде всего речь идет о том, что Рорти провалил «тест на интеллектуальную ответственность», потому что подзаголовок «Рорти о Хай-

деггере» относится к главе «Провал теста Поппера на интеллектуальную ответственность». Собственно, «провал» относится к тому, что, по мнению Фуллера, Рорти, вопреки названию своей статьи «Принимая философию серьезно», серьезно философию не принимает. Речь идет о «санитарном кордоне, который Рорти воздвиг между никем не отрицаемым нацизмом Хайдеггера и собственным взглядом Рорти на Хайдеггера как наиболее оригинального мыслителя XX в. Рорти делает все, чтобы создать максимальную дистанцию между тем, что Рорти называет «идеями Хайдеггера» и источниками и следствиями этих идей...» [4, с. 207].

Рорти действительно считает, что политические взгляды философа и его собственно философские идеи в значительной степени друг от друга независимы. В одном из своих очерков он набросал вымышленную историю, представил этакого рода возможный мир, в котором Хайдеггер становится противником гитлеризма, с аллюзиями на судьбу ряда аналитических философов, бежавших в Америку. И сделал заключение, которое шокирует Фуллера: «Какие книги написал бы Хайдеггер в этом возможном мире? Почти те же самые, что он написал в действительном мире» [8, р. 195]. Полагая, что Рорти не провел различия истоков идей и их значимости, Фуллер входит в конфликт с принципом «генетической ошибки», против нарушения которого предупреждают учебники элементарной логики. Ошибка состоит в том, что из происхождения идей выводится их значимость.

В данной статье мы не входим в детали и просто хотим отметить конфликт двух принципов разного рода: с одной стороны, это принцип «интеллектуальной ответственности», принадлежащий к сфере социальной эпистемологии, и, с другой стороны, принцип «генетической ошибки», относящийся к методологии науки. Можно привести из истории науки массу примеров последнего, но вот с примерами первого есть определенные проблемы, поскольку сам принцип относится к не всеми разделяемым идеям Поппера [2]. В некотором смысле это означает своеобразие социальной эпистемологии, готовой выдвигать принципы *ad hoc* для реализации собственного понимания методологии науки.

Социальная эпистемология требует даже более решительной ревизии самой оценки идей, которые заимствуются для продолжения философского дискурса. Фуллер формулирует это довольно туманным образом: «...Рорти доверяет великим философским текстам как благосклонному наследству, из которого мы можем свободно выводить наше собственное философское понимание, в то время как подозрительные позитивисты и попперианцы сначала исследуют происхождение всех таких

текстов перед тем, как их месседж можно будет идентифицировать и оценить» [4, с. 213]. В этом пассаже кроме тумана есть просто явные натяжки, которые можно назвать фактическими ошибками. Во-первых, если кто и не доверял «великим философским текстам», так это в первую очередь Рорти. Во-вторых, позитивистов, в самом общем смысле этого термина, никогда не заботило происхождение текстов как в их одобрении, так и в критике. Такие откровенные натяжки для демонстрации полезности социальной эпистемологии вряд ли способствуют убедительности ее новых принципов.

Дальше – больше, и саму идею преемственности идей Фуллер называет «колонизацией второго порядка», т.е. «колонизацией нашей ментальной жизни идеями других людей» [4, с. 214]. При этом трудно избежать заключения, что Фуллер отрицает кумулятивный характер научного знания, объявляя его продуктом колонизации умов. Это новый принцип, в основе которого лежит «непрерывная борьба за возвращение того, что было под господством «иррационалистических» тенденций тех времен» [Там же]. Очевидно огромное расхождение между осмыслением знания, будь то традиционная кумулятивная модель или же революции в духе Куна, и новыми принципами социальной эпистемологии.

От Рорти всего лишь один шаг к Куну, поскольку оба были объявлены релятивистами. Но релятивизм Куна тесно увязан с методологией науки, и Фуллер облегчает себе работу, критикуя Куна путем ассоциирования его с Хайдеггером. На самом деле такой прием выглядит крайне загадочным. Сам прием состоит из двух не очень связанных между собой шагов. Во-первых, по Фуллеру, Рорти хотел бы разорвать связь идей Хайдеггера с их следствиями, и такой «поворот отражает более глубокую проблему, а именно, абсолютное отсутствие в нем интереса к социальным условиям, которые позволили хайдеггеровской мысли сделать их ценными для нас» [4, с. 212]. Во-вторых, «есть несколько смущающих сходств, как читающая публика принимала работы Куна и Хайдеггера» [4, с. 220]. В перечне добродетелей и пороков этих двоих уже нет упоминания о Рорти, за исключением лишь его фоновой роли как релятивиста, родственного по духу Куну. Возможно, в этот фон входит и то, как читающая публика приняла труд Рорти «Философия и зеркало природы». Фактически второй шаг подспудно предполагает, что в крайне благосклонном принятии трудов всех трех персонажей есть что-то порочное, будь то политика (за это ответственна связь Хайдеггера и Рорти) или же «статус мифического отца исследований науки» Куна (полная параллель с «ключевой фигурой постмодернизма» Хайдеггером). И который раз на

относительно небольшом книжном пространстве Фуллер озадачивается «параллельностью траекторий Куна и Хайдеггера: почему они приобрели такую огромную значимость...» [4, с. 223]. Итак, если два философа приобретают большую популярность, то, согласно Фуллеру, здесь есть связь, опосредованная третьим человеком. С точки зрения логики такое заключение с учетом более чем вероятной контингентности всех сопутствующих событий выглядит просто абсурдным.

Дабы спасти положение дел, к описанию ситуации Фуллер привлекает Рорти – в довольно загадочной фразе: «Ранние рецензенты *«Структуры научных революций»* приветствовали кажущийся поворот Куна от позитивизма к прагматизму. Рорти завершает этот поворот. Делая это, он упускает из виду то, что побуждало позитивистов... демонизировать философов, подобных Хайдеггеру. В частности, Рорти не принял во внимание смысл, в котором исходно было проведено различие истоков и значимости идей» [4, с. 208].

Какие именно философы «демонизировали» Хайдеггера? Конечно же, в первую очередь это Р. Карнап. В 1932 г. Карнап написал резкую статью «Преодоление метафизики через логический анализ» [5], критикуя Хайдеггера. По мысли Фуллера, такая критика должна была бы быть сопряжена с политическими расхождениями нациста Хайдеггера и социал-демократа Карнапа. Но у нас есть другие свидетельства: «Карнап, на полтора года моложе Хайдеггера, с уважением относился к своему более опытному соотечественнику. Он еще не читал *«Бытие и время»*, хотя и сделал это на будущий год, хвастаясь, что «его друзья были поражены тем, что я был способен интерпретировать Хайдеггера». Карнап даже писал о Хайдеггере, что как «личность он очень привлекателен»» [1, с. 323–324].

Безусловно, пути Хайдеггера и Карнапа, как известно, разошлись радикально. Но к 1929 г., когда в Давосе состоялся известный диспут между М. Хайдеггером и Э. Кассирером, при котором присутствовал Р. Карнап, отношения между философами были иными, хотя никто из них не скрывал своих политических убеждений: «До этой встречи такого раскола (на аналитическую и континентальную философию. – *О.Ц.*) не было, по крайней мере, в немецкоязычном интеллектуальном мире. Логический эмпиризм, гуссерлевская феноменология, неокантианство и новый «экзистенциально-герменевтический» вариант феноменологии Хайдеггера были скорее вовлечены в увлекательную серию философских обменов и борьбы, направленных на революционные изменения,

которые тогда охватили как *Naturwissenschaften*, так и *Geisteswissenschaften*» [3, с. 9].

Эта картина совсем отличается от того, что пытается утверждать Фуллер. И если не было исходной «демонизации» Хайдеггера, то как Рорти мог принять во внимание смысл разделения истоков и значимости идей, которого, собственно, долго не было. Последующая история разделила Хайдеггера и Карнапа и по политическим обстоятельствам. Интенсивная критика нацистского прошлого Хайдеггера действительно увязывается многими философами с его политическими убеждениями. Тем не менее сильным преувеличением выглядят заверения Фуллера в том, что Рорти, отделяющий политику от философии, повинен в «эффективной дегуманизации читаемых им текстов», в «извлечении выгоды из исторической памяти, деформируя ее определенным образом» и т.д. [4].

Если указание на «посредничество» Рорти в объединении имен Куна и Хайдеггера представляет собой своего рода искусственный прием, который призван сделать нарратив Фуллера связным, остается понять, какого рода аргументация может сделать этот нарратив убедительным. Прежде всего, Хайдеггера и Куна «объединяет» то, что «Бытие и время» и «Структура научных революций» сначала не были поняты и сильно критиковались, а потом в силу некоторых обстоятельств были объявлены «семантически богатыми» источниками философской мудрости. Вряд ли соображения о неудаче вначале и последующем успехе что-то говорят о сходстве содержания работ двух мыслителей. Таких параллелей можно привести сколь угодно много, и тут нет никакой логики. Но Фуллер намекает, что в последующем успехе есть элементы, объясняемые, ни больше ни меньше как ассоциацией с суевериями примитивных племен. Конкретнее, он полагает, что успех в данном случае является иррациональным: «Таким образом, мы можем спросить: являются ли идеи Куна достаточно мощными для понимания природы науки, чтобы обосновать непропорциональное внимание, уделенное им? ...Элемент иррациональности усиливается отказом самого Куна участвовать в распространении идей, ассоциированных с ним, и если на то пошло, отречением от них» [4, с. 225].

Обвинения Куна в иррационализме на самом деле в значительной степени ассоциируются с его релятивизмом. Добавление к этому еще одного оттенка иррационализма имеет цель напустить тумана в уже и так неопределенные обвинения против Куна. Например, Фуллер бросает намек, который можно интерпретировать самым различным образом:

«Учитывая дистанцию собственных исследований Куна от идей, связанных с его именем, разумно предположить, что, как и в случае с Хайдеггером, близость к историко-мировому духу играла гораздо большую роль в распространении куновских идей» [4, с. 229].

В этом пассаже нарушены все стандарты объективного исследования или даже самой слабой логики. Риторика «историко-мирового духа» может быть вполне релевантна Хайдеггеру, но никак не более приземленному описанию функционирования науки Куном. Их объединение в один контекст является приемом, который просто ставит в тупик читателя. Оказывается, что под этим загадочным термином в отношении Куна подразумевается его опора на политический заказ со стороны «американского ястреба» периода холодной войны, ментора Куна – Джеймса Конанта [6]. Но политические траектории Хайдеггера и Конанта относятся к разным временам и к разным событиям, и вплетать их в одну историю для объяснения своей весьма слабой концепции «является ли Томас Кун американским Хайдеггером» просто нелепо. С таким же успехом Фуллер мог бы использовать эпизод в отношениях Куна с его аспирантом, в которого он запустил увесистой пепельницей [7]. Эпизод мог бы быть использован для объяснения иррациональности распространения идей Куна нестандартным образом. Но к счастью, книга «Пепельница» была опубликована позднее работы Фуллера.

Наконец, аналогия между Куном и Хайдеггером окончательно переносится Фуллером в сферу «негативной ответственности», т.е. отсутствия со стороны того и другого действий, которые могли бы предотвратить нежелательные политические последствия. Похоже, что именно этот аспект, с точки зрения Фуллера, играл важнейшую роль в его аргументации, одна из сторон которой заключалась в утверждении тесной связи между философией и политическими убеждениями мыслителя. Вот для чего Фуллеру нужна была в книге отдельная глава про Рорти. Ему важно было опровергнуть точку зрения Рорти, согласно которой такой связи нет. В последнем пассаже книги Фуллер откровенно признается, что политические убеждения Хайдеггера и Куна были, по сути дела, потворством политическому режиму: «Я завершаю книгу двумя комментариями. ...Во-первых, как и в случае с Хайдеггером, попытки оправдать Куна становятся все более корыстными по ходу времени, так как мы являемся главными бенефициарами жизненного проекта Куна, но время идет, и неудивительно, что наши жизненные проекты отходят от куновских. Оправдание Куна становится, таким образом, скрытым способом

утверждения самих себя. Во-вторых, сам голый факт, что Кун, опять-таки подобно Хайдеггеру, требует специального освобождения от негативной ответственности, не свидетельствует достаточно хорошо о времени, в котором он жил. Защитники Хайдеггера извлекают риторическую поддержку из образа нацистской Германии, столь угнетающего режима, что он мог бы деформировать таких глубоких мыслителей, как Хайдеггер. Требуется ли подобная аргументация по поводу Америки периода холодной войны, чтобы добавить моральный балласт к молчанию Куна? Отсутствие до сих пор такой аргументации предполагает, что нам еще надо оценить полную моральную стоимость утверждения, что Кун процветал в Америке холодной войны, но не вопреки ей» [4, с. 241].

Итак, в книге Фуллера мы имеем дело с тем, что ради утверждения своего тезиса о связи политики и философии автор прибегает к странной логике дискурса. Спорный тезис он окружает массой нерелевантных рассуждений и аналогий, которые сами по себе не имеют какой-либо логической силы и служат своего рода дымовой завесой. Возникает ощущение, что имеющее смысл попарное обсуждение Хайдеггера и Рорти, с одной стороны, Куна и Рорти – с другой, и наконец, Куна и Хайдеггера было смешано автором в единый нарратив с очень слабой аргументативной структурой.

Литература

1. Дрессер С. Многоточия на пике важности // Целищев В.В. Философский раскол: логика vs метафизика. – М.: Канон+, 2020. – С. 323–335.
2. Поппер К. Объективное знание: эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
3. Фридман М. Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер. – М.: Канон+, 2021. – 352 с.
4. Фуллер С. Кун против Поппера: борьба за душу науки / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Канон+, 2020. – 272 с.
5. Carnap R. The elimination of metaphysics through logical analysis of language // Logical Positivism / Ed. by A.J. Ayer. – N.Y.: Free Press, 1959. – P. 60–81.
6. Fuller S. Thomas Kuhn: A Philosophical History for Our Times. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2000. – 490 p.
7. Morris E. The Ashtray, Or the Man Who Denied Reality. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2018. – 192 p.
8. Rorty R. On Heidegger's nazism // Philosophy and Social Hope. – London: Penguin, 1999. – P. 190–197.

References

1. *Dresser, S.* (2020). Mnogotochiya na pike vazhnosti [Ellipses at the Peak of Importance]. In: Tselishchev, V.V. *Filosofskiy raskol: logika vs metafizika* [Philosophical Split: Logic vs Metaphysics]. Moscow, Kanon+ Publ., 323–335. (In Russ.).
2. *Popper, K.* (2002). Obyektivnoe znanie: evolyutsionnyy podkhod [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach]. Moscow, Editorial URSS Publ., 384. (In Russ.).
3. *Friedman, M.* (2021). *Filosofiya na rasputye: Karnap, Kassirer i Khaydegger*. [A Parting of the Ways: Carnap, Cassirer and Heidegger]. Moscow, Kanon+ Publ., 352. (In Russ.).
4. *Fuller, S.* (2020). Kun protiv Poppera: borba za dushu nayki [Kuhn vs. Popper: The Struggle for the Soul of Science]. Moscow, Kanon+ Publ., 272. (In Russ.).
5. *Carnap, R.* (1959). The elimination of metaphysics through logical analysis of language. In: Ayer, A.J. (Ed.). *Logical Positivism*. New York, Free Press, 60–81.
6. *Fuller, S.* (2000). *Thomas Kuhn: A Philosophical History for Our Times*. Chicago & London, University of Chicago Press, 490.
7. *Morris, E.* (2018). *The Ashtray (Or the Man Who Denied Reality)*. Chicago & London, University of Chicago Press, 192.
8. *Rorty, R.* (1999). On Heidegger's Nazism. In: *Philosophy and Social Hope*. London, Penguin, 190–197.

Информация об авторе

Целищева Оксана Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
oxanatse@gmail.com

Information about the author

Tselishcheva, Oksana Ivanovna – Candidate of Sciences (Philosophy), Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090 Russia)
oxanatse@gmail.com).

Дата поступления 30.08.2021